

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В десяти томах. Т. VI: (овадъ – покласти) / Гл. ред. И.С. Улуханов. М.: Азбуковник, 2000. 608 с.

Вышел из печати VI том "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)", который давно был ожидаем как специалистами в области исторического языкознания, так и всеми теми, кто интересуется этнолингвистическими материалами. Первые четыре тома СДРЯ были опубликованы в 1988–1991 гг. Прошли долгие 9 лет, прежде чем удалось возобновить издание СДРЯ, и оно свидетельствует о том, что научный потенциал палеорусистических исследований в эти годы не только не иссяк, но и возрос. Изменилась научная парадигма, и это сказалось на осмыслении основополагающих принципов исследовательского труда, разработанных под руководством первого главного редактора СДРЯ Р.И. Аванесова. В новышедшем томе СДРЯ полно и продуктивно проявилось сотрудничество лингвистов и источниковедов.

Редакционная коллегия Словаря и состав авторов словарных статей претерпели в новом томе довольно серьезные изменения, которые отчасти объясняются сменой поколений в отечественной русистике и источниковедении. На титульном листе VI тома имена многих ученых помещены в траурные рамки: ушли из жизни В.Л. Виноградова, В.П. Вомперский, Л.П. Жуковская, Н.П. Зверковская, Д.С. Лихачев, А.И. Толкачев, Н.И. Толстой, Н.В. Чурмаева, Д.Н. Шмелев.

Хотя в новом томе Словаря сохранено концептуальное основание первых изданий, во многом его научные параметры подверглись радикальному обновлению. Следует сразу же заметить, что начинания, призванные улучшить лингвистические характеристики Словаря, в VI томе проведены последовательно и полно. В этом несомненная заслуга новой редколлегии СДРЯ, которую возглавляет И.С. Улуханов.

Немаловажную роль в улучшении параметров СДРЯ сыграло включение в состав редакционной коллегии и авторского коллектива

В.Б. Крысько. Он не только составил "Дополнения и уточнения к списку источников", но и внес в данный том материал из новых источников и привел порядок цитат в статьях Словаря в соответствие с уточненными датировками источников. Кроме того, совместно с С.В. Дегтевым им были подобраны новые греческие параллели к источникам.

"Дополнения и уточнения к списку источников" имеют большой объем (с. 16–65) и содержат чрезвычайно важную историческую информацию. Их имело бы смысл издать также и отдельной книжкой. Тираж каждого из первых четырех томов Словаря составлял 26000 экземпляров, а тираж VI тома – всего лишь 1500 экземпляров. Цифры говорят сами за себя. Понятно, что новый том с "Дополнениями и уточнениями" смогут приобрести далеко не все, кто бы этого хотел, поэтому отдельное издание "Дополнений и уточнений" могло бы стать важным приложением к первым четырем разошедшимся томам СДРЯ. Однако наилучшим решением была бы допечатка всего тиража до прежних размеров или увеличение тиража.

Большинство материалов Словаря получило углубленную хронологическую характеристику – с точностью до полувека или даже четверти столетия, что стало возможным после публикации сводных источниковедческих каталогов, а также благодаря отдельным публикациям и консультациям источниковедов. Временные параметры источников в новом списке зачастую изменены весьма существенно. Ср. прежние и новые датировки, в частности, в следующих случаях: Ап XIV (1) vs. Ап 1389–1406; ГА XIII–XIV vs. ГА XIV₁; Гр 1189–1199 (новг.) vs. Гр 1191–1192 сп. 1259–1262 (новг.); Гр XIV (4, полоцк.) vs. Гр 1377–1387 (1, полоцк.); ЕвПант XII–XIII vs. ЕвПант 1148–1155; ИларПоуч XI сп. XII–XIII vs. ИларПоуч XI сп. сер. XIII; Кириер XII–XIII vs. Кириер XI–XII; ЛН XIII–

XIV vs. ЛН XIII₂ (л. 1–118 об.) и ЛН ок. 1330 (л. 119–166 об.); Мин (Путят.) ок. 1100 (май) vs. МинПут XI (май); Надп XII (15) vs. Надп X/XI; Надп XII (3) vs. Надп сер. XI; Парем XIV–XV vs. Парем XIII₂; Пр XIII vs. Пр XIV (1); Псалт 1292 vs. Псалт XIV₁ (1) и мн. др. Насколько серьезно в результате этого могут поменяться наши представления о хронологическом статусе памятников письменности, подтверждается также исключением ряда текстов из списка источников Словаря. Так, в VI томе сняты, в частности, следующие источники: Апок XIV, как оказалось, датируется не XIV, а первой третью XV в.; Гр 1269 (новг.) является фальсификатом; Дионареоп XIV в действительности датируется второй четвертью XV в.; Ев 1392 (2) – последней четвертью XV в.; Надп к. XIV (3) – второй половиной XV в. Вместе с тем с логикой подобных поновлений не всегда можно согласиться. Вряд ли целесообразно было снимать некоторые из расписанных в картотеке СДРЯ источников начала XV в. – например, таких как АввДороф к. XIV или Хрон XIV на том основании, что они датируются в действительности началом XV в. Рубеж веков не мог быть пограничным столбом для языкового сознания, которое в существенных своих чертах в начале XV в. принадлежит предшествующей, древнерусской, эпохе.

"Дополнения и уточнения к списку источников" фиксируют значительное расширение состава древнерусских памятников, материал которых представлен в Словаре начиная с VI тома. Появление сводных изданий древнерусской эпиграфики позволило включить в состав источников сотни древнерусских надписей. Учен накопленный за прошедшие годы обширный материал древнерусских записей, подписей и приписок, между которыми в Словаре начиная с VI тома справедливо проводится разграничение. Полностью включен в состав источников Словаря богатейший материал письменности на бересте по публикациям последних сорока лет. Таким образом, источниковедческая база словаря существенно увеличилась, и прежде всего за счет привлечения письменных памятников, ближе всего стоящих к древнерусской разговорной речи.

Отрадно заметить, что в томе "отдельные, древнерусские по происхождению, тексты религиозного содержания" – Слова Кирилла Туровского, Поучения Серапиона Владимирского, Чтение о Борисе и Глебе. Сделана попытка преодолеть главный изъян "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)" – отсутствие среди его источников множества памятников, относящихся к такой важной

стороне жизни древнерусского общества, как духовно-религиозное просвещение. Рукописные книги церковно-книжного характера уцелели в наибольшем числе. Это не должно снижать интереса к ним, поскольку, по справедливому замечанию Р.И. Аванесова, "для истории народного языка и исторической диалектологии богослужебные книги и другие книги высокой церковно-религиозной литературы... дают не меньший, если не больший материал, чем, например, грамоты и юридические документы" [Аванесов 1973: 10]. К сожалению, в исторической русистике долгое время существовал неоправданный нигилизм в отношении к церковнославянским памятникам как источникам сведений о языковой динамике. Система языковых представлений древнерусского общества воплотилась во всей совокупности созданных им письменных источников, и ее реконструкция возможна лишь при обращении ко всему их обширному многообразию. Поэтому в будущем неизбежно возникает необходимость издания словарных дополнений – после включения в лексикографическое описание большей части дошедших до нас книжных богатств Древней Руси.

Исследователям предстоит решить, материал каких церковно-книжных памятников может быть включен в число новых источников Словаря. Стремление представить древнерусскую лексику в чистом виде, вне южнославянского влияния подталкивает к историческому редуccionизму. Переводные памятники, материал которых уже был использован в Словаре, нередко восходят к южнославянским протографам. Естественное культурное воздействие греко-византийских и южнославянских источников представляет собой несомненный исторический факт, и его игнорирование лишь препятствует точности и адекватности научного описания. Нельзя забывать, что южнославянские протографы выступали и как емкое основание узуального закрепления общеславянской лексики. Вместе с тем нет сомнений в том, что приоритет в лексикографической работе должен принадлежать рукописным памятникам, имевшим устойчивое бытование именно в древнерусских землях. Неоднородность лексического состава может быть зафиксирована с помощью техники словарных помет. Материал вышедших томов не дает оснований исходить из церковнославянско-древнерусского двуязычия как реально-исторического факта: гомогенное разнообразие лексических форм не разрывало языкового сознания. А именно на это положение опирался Р.И. Аванесов, предлагавший создание особого цер-

ковнославянского словаря, который "был бы естественным продолжением словаря старославянского языка" и "дополнял бы словари древнерусского, старорусского, староукраинского и старобелорусского языков" [Аванесов 1966: 16].

При всей несопоставимости масштабов историколингвистической базы и научного уровня нового Словаря и классического труда И.И. Срезневского в исследованиях по исторической русистике не удастся обойтись без обращения к материалам Срезневского и следующим за ними данным "Словаря русского языка XI–XVII вв." В VI томе отсутствуют десятки лексем, которые засвидетельствованы у Срезневского по небольшому числу церковнославянских памятников XI–XIV вв. – Остромирову Евангелию 1056–1057 г., Изборнику 1073 г., Путятиной Минее XI в., Минеем 1095–1097 гг., Пандектам Антиоха XI в., Чудовской Псалтыри XI в., XIII Словам Григория Назианзина XI в., Синайскому Патерику к. XI в., Юрьевскому Евангелию 1119–1128 гг., Златоустрию XII в., Слово Ипполита Римского об Антихристе к. XII в., Апостолу 1220 г., Паренесиусу Ефрема Сирина 1269–1289 гг. и 1377 г., Псалтыри XIV₁ и др. VI том СДРЯ включает детально проработанные словарные статьи, которые представляют новые материалы по исторической лексикологии, словообразованию и грамматической семантике. Вместе с тем в нем отсутствуют, например, следующие словарные статьи: *огавити*, *оглаголатисѧ*, *огласовати*, *огнеметьньши*, *огнеслуженыи*, *огньникъ*, *одиначдыи*, *одѣло*, *ожалити*, *ожесточатисѧ*, *озаревати*, *оземлити*, *окърмление*, *окърмьчствовати*, *омрачевати*, *омулитисѧ*, *опрамитисѧ*, *опустѣние*, *оритель*, *осладовати*, *османути*, *оструити*, *оструивѣти*, *остудитисѧ*, *осѣѣти*, *отравьникъ*, *отѣвивати*, *отѣвиватисѧ*, *отѣвыкнути*, *отѣгонитель*, *отѣпрѣтати*, *отѣвхнути*, *отѣрасти*, *отѣродие*, *отѣселити*, *отѣступъ*, *отѣсълатисѧ*, *отѣцедосадитель*, *отѣчстволюбие*, *отѣшьльць*, *охапати*, *охладити*, *охластити*, *оцьтъньши*, *оцьѣжати*, *оцьѣлѣти*, *оцьѣстило*, *очарование*, *очесати*, *очесьньши*, *очистовати*, *очървление*, *набрадѣкъ*, *накърождение*, *палати*, *паскудьньши*, *пастушькъ*, *пастыреначальный*, *пекъ*, *перегннути*, *пивание*, *пипелование*, *пирьникъ*, *пирьньши*, *пиранинъ*, *пищевание*, *пищаньчивыи*, *пищаньчство*, *пищаньчствие*, *пламенити*, *плинути*, *плодородьствити*, *плѣтодѣвленши*, *плѣсьнь*, *плѣсавица*, *побѣдовати*, *побѣдолюбие*,

побѣдоносъньши, *побѣдотворьць*, *побѣждати*, *пованити*, *повапънити*, *повирати*, *повреждати*, *повъзюкати*, *повѣдь*, *повѣдьникъ*, *повѣстель*, *повѣстькъ*, *поглѣчати*, *погоньць*, *погосподьствовати*, *погребание*, *погрѣхъ*, *податьница*, *податьньши*, *подвигодавьць*, *подобитель*, *подобить*, *подобовредьньши*, *подобострастие*, *подоити*, *подражатель*, *подѣжжати*, *подѣжжъникъ*, *подѣметъ*, *подѣнебесие*, *подѣпрѣжъ*, *подѣходъ*, *пожъртовати*, *позыбити* и др.

Подобные расхождения между словарями имеют и другую сторону. В СДРЯ материал словарных статей хронологически детально разработан. Лексические значения даются в порядке их первой фиксации. Однако эти первые фиксации лексем в СДРЯ зачастую значительно отстоят от более ранних фиксаций, которые представлены в церковнославянских памятниках русского извода. Ср., в частности, у Срезневского¹, а также в Словаре русского языка XI–XVII вв., с одной стороны, и в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв., с другой: *оставлатисѧ* Остр. ев. 1056–1057 г. vs. ПрЛ 1282; *островъ* Гр. Наз. XI в. vs. Гр 1192–1210; *оструение* Мин. 1096 г. (окт.) vs. ГБ к. XIV; *оструение* Панд. Ант. XI в. vs. СбТР XII/XIII; *осѣниту* Остр. ев. 1056–1057 г. vs. ГА XIV₁; *осѣзати* Остр. ев. 1056–1057 г. vs. ГБ к. XIV; *отрава* Пат. Син. к. XI в.² vs. КР 1284; *отреби* Изб. 1073 г., Панд. Ант. XI в., Апост. посл. по сп. 1220 г. vs. ГБ к. XIV; *отрокъ* Остр. ев. 1056–1057 г. vs. ЖФП XII, *отвѣратъ* Гр. Наз. XI в. vs. ГБ к. XIV; *отвѣрьшь* Гр. Наз. XI в., Златоустр. XII в. vs. ПрЮр XIV₂; *отѣганати* Мин. 1096 (сент.) vs. ГА XIV₁; *отѣключити* Пат. Син. к. XI в. vs. СБУв XIV₂; *отѣлагати* Панд. Ант. XI в. vs. КР 1284; *отѣлучити* Остр. ев. 1056–1057 г. vs. ЖФСт к. XII; *отѣметание* Гр. Наз. XI в. vs. ПрЛ 1282; *отѣмывати* Мин. 1096 г. (сент.) vs. КР 1284; *отѣмѣритисѧ* Юр. ев. 1119–1128 гг. vs. МПр XIV₂; *отѣнемочи (-щи)* Златоустр. XII в. vs. СбЧуд к. XIV (1); *отѣгъчати* Мин. 1097 г. vs. ЛЛ 1377; *оцьрнение* Панд. Ант. XI в. vs. ГБ к. XIV; *подѣнебесъньши* Юр. ев. 1119–1128 гг. vs. Пал 1406; *пожържати* Мин. 1096 г. (сент.) vs. ГБ к. XIV; *подобити* Остр.

¹ Сохраняются сокращенные названия памятников, принятые в словаре Срезневского, с указанием уточненных датировок.

² Материал Синайского Патерики конца XI в., в котором немало восточнославянизмов, полностью расписан в картотеке СДРЯ, но в Словарь включены лишь записи писцов.

ев. 1056–1057 г. vs. ГБ к. XIV; *пожидати* Пат. Син. к. XI v. vs. ЛЛ 1377 и др.

Вместе с тем сотни слов, включенные в VI том СДРЯ, представлены впервые или впервые даны в столь ранних фиксациях. См.: *овѣлховати, овдовѣти, оглавыство, оглаголоватисѧ, огневидѣтъ, огненошьць, огнеслужитель, огнѣватисѧ, оголовъ, оградъница, оградъничити, оградъничьство, огреновение, огрѣмѣти, огрѣбати, огрѣтисѧ, огуствѣвати, одарѣти, одивити, одии, одиначьство, одушевленъ, одѣждѧтисѧ, одьнордѣно, одѣванье, одѣлати, ожагати, ожатисѧ, ожененье, ожерельныи, ожеститисѧ, ожесточитисѧ, ожещение, оживати, оживлатисѧ, оживотворитисѧ, ожигати, ожиждовитисѧ, озаконенъ, озарѣтисѧ, оземьствованыи, оземьствоватисѧ, оземьствѣнъ, озерьныи, озобильныи, озълблатисѧ, окаменѣти, оканьствовати, оклевета, оклеветатель, оклеветовати, оклоснѣти, оковѣць, окольниш, окоповатисѧ, окрадати, окрадывати, окраплѣти, окрасоватисѧ, окращатисѧ, окрои, окроплѣти, округшьствие, окружанье, окружение, окружье, окрѣвѣлѣти, окрѣвити, октябрьскыи, окупникѣ, окърнение, олена, оликестьи, олишатисѧ, олкарфось, оловѣница, олѧ, омазатисѧ, омахало, омахъ, омачатисѧ, омочати, омражатисѧ, омытье, омързовати, омързѣтисѧ, омѣшькати, опалание, опалитисѧ* и мн. др. В новом лексическом материале VI тома обращает на себя внимание прежде всего преобладание мотивированных слов, которые заполняют пустовавшие до сих пор клетки словообразовательных гнезд.

Обширнейший языковой материал (более 30000 слов), собранный авторским коллективом, опирается на рукописные источники, в массе своей впервые вводящиеся в столь масштабное лексикографическое описание. Техника и методика подачи словарных форм авторами тщательно отработаны. Как правило, в словарных статьях выявляется реальная семантическая сложность лексем. Тонкий анализ древнерусской лексики делает Словарь бесценным источником по палеорусистике. В Словаре детально рассматриваются многочисленные словесные формы, устанавливаются переносные и образные значения, выявляются фразеосочетания. Поскольку в VI томе привлечены дополнительные греческие источники, греческие параллели представлены в нем гораздо чаще, чем в I–IV томах, а это су-

щественно раздвигает горизонты исторической лексикологии. Иллюстрации Словаря отличаются таким разнообразием и полнотой, что могут быть использованы не только в исследованиях по лексической семантике, словообразованию и этимологии, но и в работах по исторической грамматике. Материал словарных статей позволяет получить представление о морфологической динамике словоформ некоторых типов в древнерусских рукописных источниках XI–XIV вв. Важную информацию содержит Словарь по проблематике становления глагольной категориальности (видовые и залоговые отношения). Вместе с тем грамматическая информация в Словаре могла бы быть более полной, потому что он опирается на картотеку со сплошной выборкой словоформ.

Не все статьи Словаря можно признать безупречными. Некоторые словарные статьи требуют уточнений. Приведем примеры.

1. В отдельных случаях в Словаре отмечается непоследовательность в определении частеречной природы лексем. В одну словарную статью в СДРЯ объединены слова разных частей речи (см., например, статьи *овѣ, оже, оли* и др.).

2. Лексема *одинъ* характеризуется как слово с числовым значением, а далее у него отмечается в общей сложности пять значений, среди которых есть не связанные со счетно-количественной функцией. Поэтому в этом случае необходимо констатировать либо частеречную транспозицию, либо переносные значения. Сокращение *числ.* расшифровывается в I томе как "слово с числовым значением". Слово *осмь* (числ.) характеризуется в Словаре, таким образом, не как числительное, а как "слово с числовым значением", в то же время слово *осмыи* – просто как прилагательное ("пр."). Налицо противоречие, которое далее усугубляется. Так, в статье *осмыи* количественные сочетания *осмыи на десѣте, полъ осма*, вопреки избранному терминологическому обозначению, определяются именно как составные числительные (как "часть составных числ."). В действительности прочная взаимосвязь количественных и порядковых числительных является внутривидовым фактором, определившим сам морфонологический облик славянских числительных в постиндоевропейскую эпоху (см. [Жолобов 2001]). Поэтому *осмь, осмыи, осмьдесѣтъи, осмьдесѣтъныи* и *осмьстѣныи* следовало определить как порядковые числительные, и тогда при отнесении сочетаний *осмыи на десѣте, полъ осма* к составным числительным не возникало бы необъяснимого противоречия.

В статье *осмь* древнерусское составное числительное *осмь на десате* (*осмь на деса, осмь на десатъ*) не приводится³, а как составное числительное характеризуется новообразованием (у зубецѣ поло гривнѣ новаѣ и ножѣ во шми нацѣтѣ ГрБ № 750 н. XIV), которое скорее всего уже является композитом.

3. Страдательные причастия, в отличие от причастий действительного залога, выделены в отдельные статьи, что требует специального пояснения. В некоторых случаях возникает двусмысленная ситуация: в Словаре приводятся статьи со страдательными причастиями, при том что статьи с исходными глагольными коррелятами отсутствуют (ср.: *осмоленыи, отънѣчаваемъ, пережатъ* и др.). Словоформы сравнительной степени прилагательных также даны в отдельных статьях⁴.

4. Словарь издан, и при работе с ним естественно ожидать уточнения к отдельным словарным дефинициям, которые будут учитывать внутреннюю форму лексем. Например, в статье *овощьнии* значение 'осенний', исходя из внутренней формы слова, следовало бы переформулировать как 'относящийся ко времени сбора плодов'⁵. По той же причине толкование слова *перегатити* – 'перекрыть гатью, устроить гать' – следовало бы предпочесть данной в Словаре дефиниции 'перегородить плотиною', а это уже может подразумевать иное понимание летописного сообщения. См.: по сем же Стѣславъ приѣха с Новгородци. и ради быша емоу братьѣ его. и *перегатитиша* Дрють. хотѣче ехати ко Дбдѣви ЛИ ок. 1425, 218 (1180). Ср. тематически близкий контекст в статье *гать*: а межѣ ими

³ Ср., например: они *осмь на десате на наже паде стѣлпѣ* ЕвО 1056–1057, Лк 13, 4. Эта словоформа приводится отдельной статьей в Словаре русского языка XI–XVII вв. (вып. 13), но как композит *осмьнадесате*, что является довольно искусственной модернизацией.

⁴ В I томе эти установления редколлегии приводятся, но не комментируются.

⁵ При редакционном обсуждении данной рецензии была также отмечена следующая неточность в словарной статье: при цитировании контекста из ЛЛ 1377, 161 (1237) *положиша. Иербѣла ѡко овоощное хранилище* неправильно указан его псалтырный источник – должно быть Пс. 78, 1, а не Пс. 58, 1. К сожалению, это чтение не было приведено непосредственно по древнерусской псалтыри, разновременные списки которой в СДРЯ привлекались лишь ради записей и приписок.

рѣка мѣлка. и повелѣ Всеволодъ чинити *гати*, комуждо своѣму полку. и заоутра переидоша рѣку ЛЛ 1377, 103 об. (1144); ЛИ ок. 1425, 116 об. (1144). Слово *гать* в Словаре семантически отождествляется с однозвучной современной лексемой, которую имело бы смысл пояснить. В общепринятом употреблении *гать* – это 'настил из бревен или хвороста для перехода через топкое место', хотя у Даля отмечаются также значения 'загаченное место', 'насыпь', 'плотина'.

5. В некоторых случаях преувеличены возможности истолкования древнерусской лексики с помощью однокоренных слов современного языка. Так, объясняя древнерусское слово *озарение*, едва ли возможно ограничиться отождествлением его с однозвучной современной лексемой, потому что древнерусское слово имеет иные смысловые акценты: это 'просветление, освещение, сияние'. См.: [Феодор] ѡко нѣкыи ѡбыщи даръ ѡчьствоу сы. и мракоу належащемоу *взарение* (δραυία) ЖФСт к. XII, 38–38 об. Древнерусский глагол *пережечи* толкуется как *разжечь*. Этого недостаточно, потому что русское слово многозначно. Древнерусское слово в разных примерах имеет однородную сочетаемость (*пережечи баню, истѣбѣку, мовьницю*), и его следует, вероятно, понимать так: *пережечи* 'истопить, сильно нагреть'. См.: *вни же пережьгоша* истопку. и *вльзоша* Дервлане. начаша сѣ мыти ЛЛ 1377, 15 об. (945).

6. В Словаре выделено две статьи: *одежда, -ы* и *одежда, -ѣ (-ѣ)*. Таким образом, предполагается, что здесь представлены два разных типа склонения – твердый и мягкий. Однако генетически это один и тот же тип с основой на *-ja. Поэтому в иллюстрациях первой статьи не оказалось реальных примеров твердого склонения. Напротив, в первом же приведенном в статье контексте находится форма род. п. ед. ч. на -а (<-ѣ), а не на -ы: не болши ли ти есть пища дѣша. и тѣло *одеже(д)а* ПНЧ к. XIV, 88а.

7. В статье *онишоловичи* 'жители Заречья в Новгороде' как композит истолковано устойчивое сочетание. Синтаксическая двусложность данной словесной формы доказывается словарными примерами. См.: и оубиша мою(ж) проу(с) а концѣнъ другиѣ. а *онѣхъ половищъ*. Ивана доушильцевицѣ. бра(т) ма(т)кѣв ЛН XIII₂, 90 об. (1218). Едва ли целесообразно отождествлять это речение с моделью типа *пятисот* (< *пѣти сътъ*), *пятистам* (< *пѣти сътомъ*), свойственной сложным числительным.

8. В статье *опракось* 'апракос, тип Евангелия или Апостола, в котором чтения расположены в порядке церковных праздников' толкование слова не дает ясного представления о функции названного типа книг и их отличия от двух других разновидностей – четвѣй и толковой. Известно, что апракос в этом ряду значит "богослужбный"⁶. Поэтому терминообозначение *опракось*, вероятно, следовало бы представить так: 'апракос; предназначенный для богослужения тип Евангелия или Апостола, в котором чтения расположены по неделям и дням церковного календаря'.

⁶ "Слово апракос от греч. ἀπρακός "недельный" (ср. ссл. недѣля "воскресенье") указывает на то, что этот сборник рассчитан на применение в праздничные и воскресные, т.е. выходные, нерабочие дни. Однако по содержанию сборник шире своего названия, многие чтения предназначены для других праздников или даже будних дней... Поэтому определение "апракос" применительно к Евангелию и Апостолу равнозначно по значению определению "богослужбный" [Алексеев 1999: 13].

Все несомненные достоинства вышедшего VI тома "Словаря древнерусского языка XI–XIV вв." позволяют заключить, что он является важным достижением исторического языкознания и представляет ценное фактологическое и лексикографическое основание будущих исследований по палеорусистике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р.И.* 1966 – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи. М., 1966.
- Аванесов Р.И.* 1973 – К вопросам периодизации истории русского языка // Славянское языкознание. VII МСС: Докл. сов. делегации. М., 1973.
- Алексеев А.А.* 1999 – Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Жолобов О.Ф.* 2001 – Древнеславянские числительные как часть речи // ВЯ. 2001. № 2.

О.Ф. Жолобов